

Все творения Иоанна Златоуста

Том I

Часть 1

I. Увещания к Феодору Падшему.

УВЕЩАНИЕ ПЕРВОЕ. Скорбь о падении души друга. Не нужно отчаиваться в возможности восстания. — Надежда как цепь, привязывающая нас к небу. — Примеры восстания падших грешников. — Навуходоносор. — Ахав. — Манассия. — Ниневитяне. — Добрый разбойник. — Покаяние как всеочищающая сила. — Усилия демона ввергнуть нас в отчаяние. — Всякое покаяние находит себе вознаграждение. — Радости рая. — Муки ада. — Душа Феодора, болящая любовью к Гермione. — Исцелимость болезни. — Нетрудность покаяния. — Пример молодого Финикса. — Пример престарелого монаха. — Упование на милосердие Божие.

УВЕЩАНИЕ ВТОРОЕ. Возвращение Феодора и ответ на него. — Непозволительность попечения о семейных делах человеку, посвятившему себя на служение Богу. — Бегство из воинства Христова. — Необходимость заглаждения греха. — Слабость

человеческой природы. — Падение и восстание. — Пример Давида. — Суетность благ мира сего. — Неудобства, связанные с царством, славой, богатством и браком. — Брак, при всей его священности, есть прелюбодеяние в деле Феодора. — Заботы семейной жизни. — Свобода последователей Христа. — Единственное несчастье для христианина — оскорблять Бога. — Заключение.

II. К враждующим против тех, которые привлекают к монашеской жизни.

СЛОВО ПЕРВОЕ. Наказание противящимся Богу. Пример в лице народов, препятствовавших восстановлению храма после плена вавилонского. — То же и с противниками монашества. — Подробности гонения на иноков. — Сожаление о неразумии гонителей. — Они более вредят себе, чем гонимым. — Пример ап. Павла и Нерона. — Греховность гонительства. — Сравнение гонителей монашества с гонителями апостолов. — Постигшее их наказание. — Свидетельство И. Флавия. — Для спасения недостаточно одной веры; необходимы и добрые дела. — Число подлежащих осуждению. — Пример из истории всемирного потопа. — Извращенность мира.

СЛОВО ВТОРОЕ: К неверующему отцу. Истинно богатый тот, кто презирает все. — Мы прославляемся более добродетелью, чем богатством. — Тому, кто все оставил, никто не расположен вредить, да и не может, если бы захотел. — Кто пренебрегает всем земным, тот легче утешается в лишениях. — Христиане особенно процветают, когда находятся в угнетении. — Кратковременность наслаждений. — История отшельника, отец которого был язычник.

СЛОВО ТРЕТЬЕ: К верующему отцу. Необходимо заботиться о спасении ближнего. — Небрежение о детях есть зло. — Законы о воспитании детей даны от Бога. — Добродетель зависит от внутреннего расположения. — Различные степени спасения. — Развращение нравов. — Необходимость строгого любомудрия. — Необходимость законов и наказаний в государстве. — Жизнь иноков уподобляется ангельской. — Зло нечестия в соединении с красноречием. — Слова Сократа у Платона в начале его апологии. — Святые мужи преуспевали без всякого красноречия. — История юноши, наставляемого монахом. — Превосходство иноческой жизни над мирской. Одинаковость правил для монаха и мирян. — Мирянам труднее спастись. — Истинный отец тот, кто печется о спасении сына. — Раздающий деньги более

истинный владелец их, чем тот, кто скопляет их. — Необходимость приучаться к совершению добродетели с юных лет. — Польза временного пребывания юношей в монастыре. — История Анны и Самуила. — Увещание к родителям о воспитании сыновей в благочестии.

III. Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным и христианским любомудрием монашеской жизни.

Повод к написанию этого рассуждения. — Повелевающий деньгами и собственными страстями есть более царь, чем повелевающий народом и войском. — Брань монаха славнее брани царя. — Кто из них счастливее во время ночи. — Благотворительность монаха по сравнению с благотворительностью царя. Царь и монах перед лицом смерти и после нее.

IV. О сокрушении.

СЛОВО ПЕРВОЕ — к Димитрию монаху. Повод к написанию слова. — Необходимость сокрушения вследствие господства греховности на земле. — Неосновательные извинения грешников. — Наказание злословящих. — Обязанность христианина любить своих врагов и

делать им добро. — Толкование на прошение: «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». — Объяснение слова: «не давайте святыни псам». Желание истинного блага. — Чудесная сила этого желания. — Ап. Павел как образец сокрушения и любви к Богу.

СЛОВО ВТОРОЕ — к Стелехию. Сокрушение окрыляет душу. — Описание души, вознесенной до неба на крыльях сокрушения. — Изъяснение слов ап. Павла: «для меня мир распят и я для мира». — Необычайная любовь ап. Павла к Иисусу Христу. — Любовь Давида ко Христу и его сокрушение. — Рассуждения на псалом 6. — Благость и промысление Божие о людях, как сильное побуждение к сокрушению. — Вселенная и человек, как царь ее.

V. К Стагирию подвижнику, одержимому демоном.

СЛОВО ПЕРВОЕ. Ужасное испытание, постигшее Стагирия, и желание утешить его хотя письменно. — Попущение нам испытаний и польза как их, так и самого падения. — Примеры — Адама в раю, Каина, Ноя во время потопа, Авраама и Иосифа. — Испытание, как одно из средств, которыми Господь увеличивает нам заслуги и приводит наш разум в подчинение

божественному. — Причина, почему Бог допускает благоденствие злых и огорчение добрых. — Неисповедимость путей Божиих. — Вечность, как праведное воздаяние добрым и злым. — Обязанность истинного христианина быть покорным Промыслу Божию. — Увещание Стагирию укрепляться в таком убеждении.

К тому же Стагирию о том, что уныние хуже демона. СЛОВО ВТОРОЕ. Увещание освободиться от угнетающих мыслей о самоубийстве. — Такие мысли не всегда приходят от демона, но иногда и от собственного уныния. — Нужно разгонять это уныние, и лучшее средство для этого — становиться выше мнений толпы и думать, что стыдиться должно только одного греха. — Награды уготованы в будущем, настоящее есть время трудов. — Это показывают примеры святых. — Пример Авраама. — О жертвоприношении Исаака. — Сыновья Эдипа. — Огорчение Иакова. — Пример из жизни Иосифа.

К тому же Стагирию об унынии. СЛОВО ТРЕТЬЕ. Пример Моисея. — Огорчения Моисея в пустыне. — Огорчения Иисуса Навина. — Пояснение предмета на примере Самуила. — Огорчения Давида. — Огорчения Даниила. — Невзгоды Илии и Елисея. — Огорчения ап. Павла. — Бедствия, которым подвергались друзья Стагирия. — Демофил и Аристомен. — Зрелище

бедственности человеческой в больницах и тюрьмах. — Бог испытывает нас для искупления наших грехов и более снисходителен к нам, чем мы сами.

VI. Слово к жившим вместе с девственницами.

Непристойное злоупотребление в жизни духовенства. — Тщетные оправдания обычая. — Страсть, как основа его. — Неизбежное разжигание страстей. — Опровержение мнимых оправданий незаконного обычая. — Ничто так не увеселяет, как добрая совесть. — Большие требования Нового Завета по сравнению с Ветхим.

VII. Слово к девственницам, жившим вместе с мужчинами.

Непристойность девственницам сожительствовать с мужчинами. — Отсутствие девственниц у греков или язычников. — Непристойность девственницам чрезмерно заботиться о теле и нарядах. — Замужество предпочтительнее худо хранимого девства. — Соблазняющий других уже тем самым грешит, хотя бы и не делал дурного. — Стремление женщин к тщеславию. — Нравы истинной девственницы.

VIII. Книга о девстве.

У еретиков нет истинных девственниц, потому что их девы нецеломудренны и принимают девство из отвращения к браку, как к преступлению. — Они не могут рассчитывать на мзду, одинаковую с православными девственницами. — Апостол, советуя воздержание, не делает из него правила, а еретики, удаляющиеся от его учения, ставят своих учеников в положение хуже язычников. — Наконец, девство еретиков оскорбительно для Бога, потому что их девственницы, отрекшись от веры, не имеют чистого сердца. — Кроме того, состояние девства, чтобы иметь значение заслуги, требует полной свободы в деле вступления в брак — чего не бывает у еретиков, поносящих брак. — Церковь, напротив, одобряет брак и считает его средством укрощения страстей для тех, кто разумно пользуется им. — Лицам, не имеющим надобности в таком средстве, церковь советует не вступать в брак, хотя и не запрещает его. — Она осуждает и изгоняет из своих недр только тех, которые оскверняют святость брака. — Ибо брак доброе дело, но девство лучше, и оно настолько же выше брака, насколько ангелы выше людей. — Девство полезно верующему, и по первоначальному плану творения оно только и должно бы господствовать на земле, потому что

грех, бывший причиной смерти, был также и причиной греха. — Возможность размножения людей без брака. — Безбрачное происхождение первых людей и ангелов. — Таковым же было бы и распространение людей, если бы не согрешили прародители. — И теперь брак позволяется только как врачевство против невоздержания. — Воздержание есть дар Божий, но оно не исключает и содействия самого человека. — Картина несчастных браков. — Увещание девственницам, как и вдовам, что после произнесения обета целомудрия нельзя вступать в брак, не погрешая тяжко. — Брак есть цепь, потому что своими заботами и хлопотами повергает в рабство супругов. — Их взаимное подчинение есть тяжелая обязанность, и от нее они не могут избавляться иначе, как по взаимному согласию. — Лицемерные девственницы, уподобляющие себя неразумным девам. — Они будут лишены царства небесного. — Превосходство девства обнаруживается особенно в том, что оно облегчает нам совершение молитвы и добрых дел. — Неосновательность ссылки на Авраама в доказательство превосходства брака над девством. — Апостолы выше этого патриарха. — И богатый человек, состоящий в браке и занятый делами, также может вести жизнь праведную; но такие примеры редки. — Новый Завет требует большего совершенства, чем Ветхий, потому что в

первом нам в большом изобилии даны дары и благодать Духа Святого.

IX. К молодой вдове.

СЛОВО ПЕРВОЕ. Скорбь молодой вдовы Фирасия и утешение ей. — Бог печется о вдовах. — Достоинство вдовства почитается у христиан и язычников. — Радостность надежды и уверенности в том, что мы вновь увидим тех, кого любили. — Кратковременность земной жизни, сопровождающие ее бедствия и непрочность счастья. — Доказательство этого последнего положения. — Пример двух вдов богатых и высокопоставленных, которые после смерти своих мужей дошли до крайней бедственности. — Пример девяти императоров, царствовавших в Константинополе, из которых семеро погибли от насильственной смерти. — Изображение славы и блаженства, которыми наслаждается Фирасий на небесах.

К той же вдове. СЛОВО ВТОРОЕ о воздержании от второго брака. Изложение и опровержение трех оснований, которые обыкновенно заставляют вдов опять вступать в брак, именно надежды на лучшее состояние, привязанность миру и немощь плоти. — Цель слова — не порицание второго брака, допускаемого ап.

Павлом и узакониваемого Церковью. Вдова, вступающая во второй брак, обнаруживает в себе слабость и чувственность, проявляет привязанность к земле и показывает, как не дорога ей память ее первого мужа. — Она не может любить второго мужа, как любила первого, и этот новый союз восстанавливает против нее и ее родителей, и ее слуг и особенно детей от ее первого мужа. — Поэтому с целью отклонить вдов от второбрачия законодатели нашли нужным лишить совершение второго брака всякой торжественности, показывая этим, что они допускают его только с сожалением. Похвала вдовству, которое приближается к девству, ибо таковому вдовству принадлежит одинаковая с девством слава и награда.

К ФЕОДОРУ ПАДШЕМУ УВЕЩАНИЕ 1-е

Феодор, к которому относятся предлагаемые Увещания, написанные около 369 года по Р. Х., был сверстником и другом Св. Иоанна Златоустого и вместе с ним в юности посвятил себя подвигам отшельнической жизни, но вскоре оставил их для занятий и удовольствий мира. Св. Иоанн в своих Увещаниях призывал его к раскаянию изображением губительности состояния грешников, кратковременности и тщетности настоящих благ, изложением грозных и утешительных истин

Христианской веры и другими убеждениями, которые подействовали на падшего Феодора, так что он возвратился в общество отшельником и впоследствии был возведен в сан епископа мопсуестсага.

«Кто даст голове моей воду и глазам моим — источник слез» (Иер.9:1), благовременно сказать теперь и мне, и гораздо более, нежели тогда пророку; потому что я намерен оплакивать хотя не множество городов и не целые народы, но душу, которая стоит, а лучше сказать — и дороже множества народов. Если даже один исполняющий волю Божию лучше тысяч беззаконников, то, конечно, и ты прежде был лучше тысяч Иудейских. Посему никто не станет теперь порицать меня, если я изложу больше скорбей и изображу сильнейшие сетования, нежели какие изложены у пророка. Я оплакиваю не разрушение города и не пленение беззаконных мужей, но опустошение священной души и разрушение и истребление христовоснаго храма. Кто, зная хорошо, сожженную теперь диаволом, красоту ума твоего в то время, когда блистала она, не восстенал бы плачем пророка, — слыша, что варварские руки осквернили святое святых, и, подложив огонь, сожгли все — херувимов, ковчег, очистилище, скрижали каменные, стамну златую? Поистине, это несчастье во столько крат горестнее того, во сколько крат

драгоценнее те символы, которые хранились в душе твоей. Этот храм святее того, потому что он блистал не золотом и серебром, а благодатию Духа, и, вместо ковчега и херувимов, в нем обитали Христос, и Его Отец, и Утешитель. А теперь уже не то: он теперь пусть и лишен прежней красоты и благолепия, потерял божественное и несказанное украшение, и лишился всякой безопасности и охраны: нет у него ни двери, ни запора, и он открыт для всех душепагубных и постыдных помыслов. Помысл ли гордости, помысл ли блуда, помысл ли сребролюбия, или еще гнуснейшие помыслы устремятся войти в него, — никто не помешает этому; а прежде, как небо недоступно всему этому, так (недоступна была) и чистота ума твоего. Может быть, слова мои покажутся невероятными некоторым из тех, кто видят теперь твое запустение и извращение; поэтому я и скорблю и сетую, и не перестану делать это, доколе опять не увижу тебя в прежнем блеске. Хотя людям и представляется это невозможным, но для Бога все возможно: потому что Он «из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего, чтобы посадить его с князьями, с князьями народа его; неплодную вселяет в дом мать, радуящуюся о детях?» (Пс.112:7–9). Не отчаивайся в перемене на лучшее. Если диавол был силен настолько, что низринул тебя с вершины и высоты добродетели до крайностей порока, то

гораздо более силен будет Бог опят возвести тебя в прежнюю свободу, и сделать не только таким же, но и гораздо блаженнейшим прежнего. Только не унывай, не теряй добрых надежд, не впадай в страсть нечестивых. В отчаяние обыкновенно отвергает не многочисленность грехов, но нечестивое состояние души. Посему и Соломон не просто сказал: *всякий*, кто «достигнет до глубины зол», но только — один «нечестивый»: «когда достигнет нечестивый до глубины зол, не радит» (Прит.18:3). Только таким людям свойственна эта страсть, когда они приходят в глубину зол. Она-то не допускает их воспрянуть и опять взойти туда, откуда ниспали. Этот помысл, как бы какое ярмо, лежа на вые души и заставляя ее смотреть вниз, препятствует ей возводить взоры к своему Владыке. Но человеку мужественному и доблестному свойственно сокрушать это ярмо, прогонять от себя палача, который возложил его, и произносить слова пророка: «как очи рабы — на руку госпожи ее, так очи наши — к Господу, Богу нашему, доколе Он помилует нас. Помилуй нас, Господи, помилуй нас, ибо довольно мы насыщены презрением» (Пс.122:2,3). Истинно божественны эти наставления и внушения горняго любомудрия. «Насыщены», говорит он, «презрением» и потерпели многочисленные бедствия; однако, не перестанем возводить взоры свои к Богу и просить Его, доколе

не получим просимого. Мужественной душе свойственно — не упасть и не отчаиваться пред множеством постигающих бедствий, и после многократных и безуспешных молитв не отступить, но ожидать «доколе Он помилует нас», как говорит блаженный Давид.

2. Дьявол для того и ввергает нас в помыслы отчаяния, чтобы истребить надежду на Бога, — этот безопасный якорь, эту опору нашей жизни, этого руководителя на пути, ведущем к небу, это спасение погибающих душ. «В надежде», говорит (апостол), «мы спасены» (Рим. 8:24). Ибо оно, как бы какая крепкая цепь, свешенная с неба, поддерживает наши души, мало-помалу поднимая на высоту тех, которые крепко держатся за нее, и вознося нас превыше бури житейских зол. Посему, если кто ослабевает и опустит из рук этот священный якорь, тот сейчас же упадет и погибнет в бездне порока. Зная это, лукавый, как только заметит, что мы сами тяготимся сознанием злых дел, пришедши и сам еще налагает на нас помысл отчаяния, который тяжелее свинца; и если мы примем его, то увлекаемые тяжестью и оторванные от той цепи, неизбежно тотчас низринемся во глубину зол, где именно и находишься ты теперь, отвергнуши повеления кроткого и смиренного Господа и выполняя все приказания жестокого, свирепого и неумолимого врага нашего спасения,

расторгши благое иго и сбросив легкое бремя, и вместо них наложив на себя цепи железные и повесив на шею свою «мельничный жернов» (Мф. 18:6). Где же ты остановишься, и когда перестанешь потоплять бедную душу свою, наложив на себя такую необходимость — непрестанно уноситься вниз? Женщина, отыскавшая одну драхму, пригласила соседок, принять участие в ее радости, сказав: «порадуйтесь со мною» (Лк. 15:9); а я теперь приглашу всех друзей и моих и твоих к противоположному, скажу не — «радуйтесь со мною», но — «плачьте со мною, подымите такой же плач, и вопите вместе с нами горьким голосом. Ибо нас постигла крайняя беда, не столько-то талантов золота выпало из руки моей и не множество драгоценных камней, но тот, кто, драгоценнее всего этого, плывши вместе с нами поэтому великому и пространному морю, не знаю как, свалился и упал в самую глубину погибели».

3. Тем, которые попытались бы удержать меня от сетования, я скажу словами пророка: «оставьте меня, я буду плакать горько; не усиливайтесь утешать меня» (Ис.22:4). Настоящий плач мой не таков, чтобы чрезмерность сетования навлекла на меня осуждение, но таков, что при нем не постыдились бы плакать, сетовать и отвергать всякое утешение даже (апостолы) Павел и Петр. Справедливо стал бы кто-нибудь обличать в

большом малодушии тех, которые оплакивают обыкновенную смерть. Но когда, вместо тела, лежит омертвевшая душа, пораженная множеством ран, и в самой мертвенности являющая прежнее свое благородство, и благообразие, и красоту погасшую, то может ли кто быть столь жестоким и бесчувственным, чтобы, вместо плача и сетований, предлагать слова утешения? Как там не плакать, так здесь плакать свойственно любомудрию. Тот, кто достигал неба, смеялся над суетою жизни, взирал на красоты телесные как на каменные, кто пренебрегал золотом как пылью, а всяким удовольствием как грязью, — тот, неожиданно для нас, объятый пламенем нечистой похоти, потерял и здоровье, и мужество, и всякую красоту, и сделался рабом наслаждений. О нем ли не плакать, скажи мне, о нем ли не сокрушаться, доколе опять не будет он нашим? И свойственно ли это человеческой душе? Отмены телесной смерти невозможно достигнуть на земле, и однако это не удерживает сетующих от плача; а душевную смерть только и можно уничтожить здесь: «во гробе», говорит (Давид), «кто будет славить Тебя» (Пс.6:6)? Посему не будет ли великим безрассудством с нашей стороны, если в то время, как оплакивающие смерть телесную сетуют о ней с такою силою, хотя и знают, что слезами не воскресить им умершего, — мы не будем выражать ничего подобного, хотя знаем, что

часто бывает надежда возвратить погибшую душу к прежней жизни? Ибо многие, и ныне и во времена наших предков, уклонившись от прямого положения и свергнувшись с тесного пути, опять восстали настолько, что последующим покрыли прежнее, получили награду, украсились венцом, прославлены с победителями и причислены к лику святых. Доколе кто остается в пламени наслаждений, доколе ему, хотя бы он имел множество таких примеров, представляется это делом невозможным; но как только он немного начнет выходить оттуда, то, постоянно идя вперед, силу огня оставит позади себя, а впереди пред собою почувствует прохладу и великое облегчение. Только не будем отчаиваться, не будем отказываться от возвращения: потому что допустившему себя до такого состояния, хотя бы одарен был безмерною силою и ревностию, они будут бесполезны. Кто уже затворил для себя дверь покаяния и заградил вход на поприще (подвижничества), как он будет в состоянии, находясь вне его, сделать малое или великое добро? Посему-то лукавый предпринимает все, чтобы внушить нам этот помысл: после этого уже не нужны будут ему усилия и труды для нашего поражения, когда сами лежащие и падшие не хотят противиться ему. Кто мог избежать этих уз, тот и силу свою сохранит и до последнего издыхания не

перестанет сражаться с ним, и хотя бы испытал множество других падений, опять восстанет и сокрушит врага. Напротив, кто связан помыслами отчаяния и обессилил себя, тот как будет в состоянии победить врага и противостоять ему, когда сам бежит от него?

4. Не говори мне, что так бывает лишь с невеликими грешниками; нет, пусть даже человек будет исполнен всякого порока и сделает все, что затворяет для него вход в царствие, и притом не из неверных от начала, но из верных и благоугождавших прежде Богу, пусть такой сделается впоследствии блудником, прелюбодеем, сластолюбцем, хищником, пьяницею, мужеложником, сквернословцем и т. п., — и такого я не похваляю, если он будет отчаиваться в себе, хотя бы он до самой глубокой старости провел такую несказанно порочную жизнь. Если бы гнев Божий был страстию, то справедливо иной стал бы отчаиваться, как не имеющий возможности погасить пламень, который он возжег столь многими злодеяниями; но так как Божество бесстрастно, и наказывает ли, поражает ли, делает это не с гневом, но по промыслению и великому человеколюбию, то надлежит иметь крепкое дерзновение и уповать на силу покаяния. Бог не за Себя мстит тем, которые согрешили против Него; ибо никакой вред не достигает до существа Его; но

при этом имеет в виду нашу пользу, и то, чтобы мы не увеличивали своего развращения, продолжая оказывать Ему пренебрежение и презрение. Как удаляющийся от света не вредит нисколько свету, а самому себе весьма много, погружаясь во мрак; так и привыкший пренебрегать Всемогущею силою, ей не вредит нисколько, а самому себе причиняет крайний вред. Посему Бог и угрожает нам наказаниями, и часто посылает их — не для того, чтобы отомстить за Себя, но чтобы нас привлечь к Себе. Ибо и врач не сетует и не обижается наносимыми ему от больных оскорблениями, но всячески старается остановить их бесчинства, имея в виду не свою, а их пользу; и если они покажут хотя немного благоразумия и здравомыслия, он радуется и веселится, и тем сильнее употребляет лекарства, не для того, чтобы отомстить им за прежнее, но чтобы доставить больше пользы и довести их до совершенного выздоровления. Так и Бог, когда мы впадем в крайнее безумие, и говорит и делает все не из мести за прежнее, но желая избавить нас от недуга, в чем можно убедиться и посредством здравого смысла.

5. Если же кто и после этого будет сомневаться, то мы уверим его в том и божественным Писанием. Кто, скажи мне, был преступнее царя Вавилонского? Он, после того, как уже настолько испытал силу Божию, что

поклонился пророку Его, и приказал «принести ему дары и благовонные курения» (Дан.2:46), опять предался прежней гордости, и связав ввергнул в печь тех, которые не почтили его больше Бога. И однако этого жестокого и нечестивого (Царя), более зверя, нежели человека, (Бог) призывает к покаянию и доставляет ему еще другия побуждения к исправлению: во-первых, самое чудо, совершившееся в печи, а затем видение, которое видел царь, а истолковал Даниил, достаточное для того, чтобы преклонить и каменную душу; а сверх того, после увещания делами, и сам пророк дал ему такой совет: «посему, царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот чем может продлиться мир твой» (Дан.4:24). Что говоришь ты, премудрый и блаженный? Ужели возможен и после такого отпадения возврат, и после такой болезни здравие, и после такого безумства надежда образумиться? Царь сам уже отнял у себя всякую надежду, тем, во-первых, что не познал Создавшего его и возведшего на такую честь, хотя и имел сведения о многих доказательствах силы и промысла Его и на себе самом, и на своих предках; а после того еще тем, что, получив ясные свидетельства мудрости и предведения Божия, и виде, как ниспровергнуты были и магия, и астрономия, и действия всякого

диавольского волхвования, оказался хуже прежнего. Ибо, чего не могли изъяснить мудрые волхвы, газарины, и что признали они превышающим природу человеческую, то Бог изъяснил ему через пленного отрока, и этим чудом довел его до того, что он не только сам уверовал, но и сделался ясным проповедником и наставником этого верования для всей вселенной. Таким образом, если он и прежде этого знамения не заслуживал прощения за свое неведение о Боге, то гораздо более после такого чуда, после собственного исповедания, и преподанного наставления другим. Если бы он не был точно уверен, что истинный Бог — один, то и не оказал бы такой чести рабу Его, и другим не дал бы такого же приказания. И однако, после такого исповедания, он опять впал в идолослужение, и тот, кто, падши на лицо, поклонился рабу Божию, дошел до такого безумия, что рабов Божиих, не поклонившихся ему, ввергнул в пещь. Что же? Отомстил ли Бог отступнику, как надлежало отмстить? Напротив, Он представил ему еще большие доказательства своего могущества, чтобы привести его, после такого безумства, опять в прежнее состояние. И что особенно удивительно: дабы чудные события, по чрезмерности своей, не показались невероятными, Он сотворил знамение не Над другим чем-либо, а Над тою пещью,

которую разжег сам царь для отроков, и в которую, связав, ввергнул их. Конечно, чудесным и необычайным было бы и то, если бы только огонь был погашен. Но Человеколюбец, дабы внушить больше страха, произвести больше изумления и совершенно прекратить ослепление царя, сделал большее и необычайнейшее чудо. Попустив, чтобы огонь разожжен был настолько, насколько хотелось царю, Он являет свое могущество в том, что, не уничтожая приготовлений врагов, делает готовое недействительным. А чтобы кто-нибудь, увидев отроков победившими пламень, не счел этого привидением, (Бог) попустил, чтобы опалены были ввергнувшие их, показывая с одной стороны то, что видимый пламень был действительно огонь, иначе бы не пожрал нефть, и смолу, и хворост, и столько тел; а с другой — то, что нет ничего сильнее Его повеления, но что природа всего сущего повинуется приведшему ее из небытия в бытие, — что тогда именно и обнаружилось: ибо огонь, приняв тела тленные, не коснулся их как бы нетленных, и возвратил жертву в целости, даже еще в большем блеске. Ибо, как бы цари из чертогов царских, вышли из печи эти отроки, так что никто уже не хотел смотреть на царя, но взоры всех обратились от него на чудное явление; и ни диадима, ни порфира, ни что другое из царского великолепия не привлекало столько к себе толпы неверных, сколько

вид этих верных, долго пробывших в огне, но вышедших из него так, как будто это случилось с ними во сне. Даже и волосы, которые по природе у нас удобосожигаемое всего, крепче алмазита превозмогли тогда всепожаряющий жар. И не это одно дивно, что, быв ввергнуты в середину пламени, они нисколько не пострадали, но и то, что они еще непрестанно говорили; между тем всем, бывавшим при людях сожигаемых, известно, что пока они держат уста сомкнутыми, то хотя на краткое время противятся сожжению, но лишь случится им раскрыть уста, душа тотчас же вылетает из тела. И, однако после столь многих совершившихся чудес, и когда все присутствовавшие и видевшие пришли в изумление, а отсутствовавшие извещены были об этом письменно, — царь, который учил других, сам остался неисправимым и опять обратился к прежним порокам. И при всем этом Бог не наказал его, но еще долго терпел, вразумляя его и чрез сновидения, и чрез пророка. Только когда уже он никаким из этих способов нимало не исправился, Бог, наконец, наводит на него казнь, не отмщая впрочем за прошедшее, но пресекая будущее зло, и удерживая порок от преуспевания; притом наказал не навсегда, но после нескольких лет наказания опять возвел его в прежнюю честь, так что он от наказания не потерпел никакого вреда, а приобрел

величайшее из всех благ — утверждение в вере в Бога и раскаяние в прежних своих грехах.

6. Таково человеколюбие Божие! Никогда Он не отвергает искреннего раскаяния; но хотя бы кто дошел до самой крайней порочности, а потом решился бы возвратиться опять оттуда на путь добродетели, и такого Он принимает и приближает к Себе, и делает все, чтобы привести его в прежнее состояние. И еще более человеколюбия вот в чем: если кто окажет не полное раскаяние, то и краткого и малого Он не отвергает; даже и за него назначает великую награду. Это видно из слов пророка Исаии, которые он сказал о народе иудейском: «за грех корыстолюбия его Я гневался и поражал его, скрывал лице и негодовал; но он, отвратившись, пошел по пути своего сердца. Я видел пути его, и исцелю его, и буду водить его и утешать его и сетующих его» (Ис.57:17,18). Засвидетельствует нам это и тот нечестивый царь, который женою своею был увлечен к преступлениям, но как только заплакал, оделся во вретисце и раскаялся в своих беззакониях, то и приклонил к себе милость Божию, так что избавился от всех угрожавших бедствий. «И было слово Господне к Илии Фесвитянину, и сказал Господь: видишь, как смирился предо Мною Ахав? За то, что он смирился предо Мною, Я не наведу бед в его дни» (3Цар.21:28,29). Опять позже Манассия, который безумием и жестокостию

превзошел всех, ниспроверг законное богослужение, затворил храм, способствовал процветанию идольского заблуждения и был нечестивее всех предшественников, — когда потом раскаялся, был причислен к друзьям Божиим (2 Пар. 33:12). Если бы он, посмотрев на тяжесть своих беззаконий, отчаялся в своем обращении и исправлении, то лишился бы всего, что получил после; а теперь возрев, вместо чрезмерности своих грехов, на беспредельность благоутробия Божия, и расторгши узы диавольские, он восстал, подвизался и доброе течение совершил. Впрочем, Бог отсекает помыслы отчаяния не только тем, что было с этими царями, но и словами пророка: «о, если бы вы ныне послушали гласа Его: «не ожесточите сердца вашего, как в Мериве, как в день искушения в пустыне»» (Пс.94:7,8). Выражение «ныне» можно относить ко всей жизни, даже, если угодно, и к старости; потому что покаяние ценится не по продолжению времени, но по душевному расположению. Так для ниневитян, не было нужды во многих днях, чтобы загладить грех свой, но краткого дневного срока было достаточно для изглаждения беззакония их; и разбойник не в течение долгого времени достиг входа в рай, но во столько времени смыв все грехи всей своей жизни, сколько употребляется его на произнесение одного слова, получил еще прежде апостолов награду

прославления. Посмотрим и на мучеников, которые не во многие годы, но в несколько дней, а часто и в один только день, удостоивались светлых венцов.

7. Итак, нам всегда нужно иметь бодрость и великое усердие, и если так настроим совесть свою, что возненавидим прежнюю порочную жизнь и изберем противоположный путь с такою силою, какой хочет и требует Бог; то от времени ни чего не потеряем, так как многие, быв последними, опередили первых. Тяжко не падение, а то, чтобы, упавши, лежать и уже не вставать, — то, чтобы произвольно делая зло и пребывая в беспечности, помыслами отчаяния прикрывать слабость воли. Таким людям и пророк, недоумевая, говорит: «разве, упав, не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются?» (Иер.8:4). Если же ты спросишь нас о тех, которые после уверования опять пали, то все сказанное относится и к ним; ибо, кто пал, тот был прежде в числе стоявших, а не лежащих, иначе как бы он и пал? И еще будет сказано, отчасти притчами, а отчасти яснейшими делами и словами. Так овца, которая отделилась от девяноста девяти и потом опять была приведена назад, изображает нам не иное что, как отпадение и возвращение верных, потому что она была овца, и притом не другого какого-нибудь стада, но из числа прочих овец, и прежде паслась пастырем, и заблудилась не обычным образом, но в горах и стремнинах, т. е. на

пути каком-то далеком и весьма уклонившемся от прямой дороги. Но пастырь оставил ли ее блуждать? Никак; он привел ее назад, не пригнав и не бив, но взяв на рамена свои. Ибо как лучшие врачи с великим попечением возвращают здоровье одержимым продолжительною болезнью, не только врачуя их по правилам врачевания, но иногда и доставляя им удовольствие, так и Бог, весьма испорченных людей обращает к добродетели не вдруг и насильственно, но тихо и мало-помалу, и всегда помогая им, чтобы не приключилось еще большего отчуждения и продолжительнейшего заблуждения. На это указывает не только эта притча о блудном сыне. Он также был не чужой кто-либо, но сын и брат благонравного сына, и низринулся не в маловажный порок, а в самую, можно сказать, крайнюю порочность, — богатый, свободный и благородный сделался несчастнее рабов и чужих людей и наемников. И, однако, он опять возвратился в первобытное состояние и получил прежнюю честь. А если бы он отчаялся в своей жизни и, пав духом от постигших его бед, остался на чужбине, то не получил бы того, что получил, а изнуренный голодом, погиб бы самую жалкою смертью. А так как он раскаялся и не впал в отчаяние, то после такого растления опять является в прежнем благообразии, облачается в прекрасную одежду и получает больше непадшего

брата. Ибо «столько лет», говорил этот, «служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка» (Лук.15:29,30). Такова сила покаяния!

8. Имея такие примеры, не станем коснеть в пороках и откладывать обращение, но скажем и мы: «иду ко отцу моему», и приблизимся к Богу. Он сам никогда не отверщается от нас, но мы удаляем себя от Него: «разве Я — Бог только вблизи, говорит Господь, а не Бог и вдали?» (Иер.23:23). И опять чрез пророка укоряя иудеев, говорит: «беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лице Его от вас» (Ис.59:2). Если же это удаляет нас от Бога, то разрушим эту пагубную преграду, и — ничто не будет препятствовать нам быть близко к Богу. Послушай, как это происходило на самом деле. У коринфян один знатный человек совершил такой грех, какого не слышно было и между язычниками. Он был верный и из близких ко Христу, а некоторые говорят даже, что он был из числа священнослужителей. Что же? Исключил ли его Павел из общества спасаемых? Никак: сам он много раз, и там, и здесь, укорял коринфян за то, что они не привели его в покаяние; а желая показать нам,

что нет греха, который бы не мог быть уврачеван, опять об этом человеке, который согрешил хуже язычников, сказал: «предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа» (1Кор.5:5). Но это еще до покаяния; когда же тот покаялся, то «для такого довольно», говорит, «сего наказания от многих» (2Кор.2:6) — и предписал утешить его и принять его покаяние, дабы не возобладал им сатана. И целый народ галатов, которые пали после того, как уже веровали, совершали знамения и перенесли много искушений за веру во Христа, он восстанавливает опять. Что они творили чудеса, это выразил он словами: «подающий вам Духа и совершающий между вами чудеса через дела ли закона сие производит, или через наставление в вере?» (Гал.3:5); и что они много страдали за веру, это выразил словами: «столь многое потерпели вы неужели без пользы?» (Гал.3:4). Между тем после такого преуспевания они совершили грех, который мог отчуждать их от Христа, и о котором сам (Павел) выражается так: «вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа» (Гал.5:2); и еще: «оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати» (Гал.5:4). И однако, после такого падения, он с благорасположением говорит им: «дети мои, для которых я снова в муках

рождения, доколе не изобразится в вас Христос» (Гал.4:19), показывая этим, что в нас, и после крайнего растления, может опять изобразиться Христос, потому что Он не хочет «смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был» (Иез.33:11).

9. Обратимся же, о, любезная глава! и будем исполнять волю Божию. Он для того и создал нас и привел в бытие, чтобы сделать участниками вечных благ, чтобы даровать царство небесное, а не для того, чтобы ввергнуть в геенну и предать огню; это не для нас, а для диавола, для нас же издревле устроено и уготовано царство. Изъясняя то и другое, Господь говорит «тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира»; а «тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Матф.25:34,41). Итак, геенна приготовлена не для нас, но для него и ангелов его; а царство для нас уготовано еще до создания мира. Не сделаем же себя недостойными входа в чертог: доколе мы пребываем здесь, то, хотя бы совершили множество грехов, есть возможность омыть все, раскаявшись во грехах; но когда отойдем туда, то, хотя бы оказали самое сильное раскаяние, никакой уже не будет пользы, и сколько бы не скрежетали зубами,

ни сокрушались и ни молились тысячекратно, никто и с конца перста не подаст капли нам, объатым пламенем, но мы услышим то же, что и известный богач, — что «между нами и вами утверждена великая пропасть» (Лук.16:26). Покаемся же здесь, увещаваю, и познаем Господа своего, как познать надлежит. Тогда только должно будет отринуть надежду на покаяние, когда мы будем в аду, потому что там только бессильно и бесполезно это врачевство, а доколе мы здесь, оно, если и в самой старости будет употреблено, оказывает великую силу. Посему и диавол употребляет все усилия, чтобы вкоренить в нас помысел отчаяния: ибо знает, что если мы и немного покаемся, это будет для нас не бесплодно. Но как подавшего чашу холодной воды ожидает воздаяние, так и покаявшийся в злых делах своих, хотя бы и не оказал покаяния соразмерного с грехами, и за это получит воздаяние. Никакое добро, хотя бы и маловажное, не будет пренебрежено Праведным Судиею. Если грехи будут исследоваться с такою строгостью, что мы понесем наказание и за слова и за желания; то гораздо более добрые дела, малы ли будут, или велики, вменятся нам в то время. Итак, если ты даже не в состоянии будешь возвратиться к прежней строгой жизни, но хотя бы немного отвлекся он настоящего недуга и невоздержности,

то и это не будет бесполезно; только положи начало делу и приступи к подвигам, а пока будешь оставаться вне, действительно будет казаться тебе трудным и неудобоисполнимым. Прежде опыта, даже весьма легкие и сносные дела обыкновенно представляются нам весьма трудными; но когда мы испытаем их и примемся за них смело, то большая часть трудности исчезает, и бодрость, заступив место опасения и отчаяния, уменьшает страх, увеличивает удобоисполнимость и укрепляет добрые надежды. Потому и Иуду лукавый отклонил от этого, чтобы он, сделав надлежащее начало, не возвратился чрез покаяние туда, откуда ниспал. Подлинно я сказал бы, — хотя и странны такие слова, — что и его грех не выше помощи, получаемой нами от покаяния. Посему прошу и умоляю, исторгни из души всякую сатанинскую мысль и обратись к этому спасительному средству. Если бы я советовал тебе тотчас и вдруг взойти опять на прежнюю высоту, то ты справедливо негодовал бы на это, как на весьма трудное дело; но если теперь я требую только того, чтобы не прибавлять к настоящим грехам, но, восстав возвратиться оттуда на противоположный путь, то почему же ты медлишь, и уклоняешься и сопротивляешься? Не видал ли ты, как умирали жившие в роскоши, пьянстве, играх и прочих удовольствиях жизни? Где теперь те, которые

выступали по торжищу с великою надменностью и многочисленными спутниками, одевались в шелковые одежды, издавали от себя благовоние мастей, кормили нахлебников и постоянно прикованы были к зрелищам? Где теперь эта пышность их? Пропали огромные расходы на ужины, толпа музыкантов, угодничество ласкателей, громкий смех, беспечность души, рассеянность мысли, жизнь изнеженная, праздная и роскошная. Куда теперь улетело все это? Чем стало это тело, которое удостаивалось такой заботливости и чистоты? Пойди на могилу, посмотри на пыль, на прах, на червей, посмотри на безобразие этого места, и — горько восстанай. И о, если бы наказание ограничилось только этим прахом! Но от могилы и этих червей теперь перенесись мыслию к тому червю неумирающему, к огню неугасимому, к скрежету зубов, к тьме кромешной, к скорби и сокрушению, к притче о Лазаре и богатом, который, владея прежде таким богатством и одеваясь в порфиру, не мог получить и капли воды, и притом находился в такой крайности. Все здешнее нисколько не лучше сновидений. Ибо как работающие в рудокопнях или несущие какое-либо другое еще тягчайшее наказание, когда, уснув после многих трудов и самой горькой жизни, во сне увидят себя в удовольствии и богатстве, проснувшись, нисколько не рады бывают своим

снам; так то же самое было и с тем богачом, который, пользуясь богатством в настоящей жизни как бы во сне, по отшествии отсюда потерпел тяжкое наказание. Подумай об этом, и тот огонь противопоставив объемлющему тебя теперь пламени вожделений, избавься, наконец, от этой печи. Ибо кто хорошо погасил здешнюю печь, тот не испытает и тамошней; а кто здешней не одолел, тем, по отшествии отсюда, сильнее овладеет тамошня. Насколько бы времени хотелось тебе продлить наслаждение настоящею жизнью? Я думаю, что тебе осталось не более пятидесяти лет, чтобы достигнуть крайней старости, но и это еще неизвестно нам; потому что те, которые не могут быть уверены в продолжении своей жизни даже до вечера, как могут поручиться за столько лет? И не одно это не известно, — не известна и перемена обстоятельств: часто с жизнью, продолжающеюся много времени, не продолжаютя вместе и удовольствия, но как только появляются, так и исчезают. Впрочем, если угодно, пусть будет так, что ты проживешь столько лет и не испытаешь никакой перемены: что же это в сравнении с бесконечными веками и с теми тяжкими и невыносимыми наказаниями? Здесь и хорошее и худое имеет конец, и притом весьма скорый, а там — то и другое продолжается в бесконечные веки, а по качеству своему настолько отлично от здешнего,

что и сказать невозможно.

10. Услышав об огне, не подумай, будто тамошний огонь таков же, каков здешний: этот, охватив что-либо, сжигает и погасает; а тот, кого однажды захватит, жжет постоянно, и никогда не перестает, почему и называется неугасимым. Ибо и грешникам надлежит облечься бессмертием, не к славе, но чтобы иметь всегдашнего спутника тамошнего мучения; а сколь это ужасно, того никогда не может изобразить слово, а только из опытного ощущения малых страданий можно получить некоторое слабое понятие о тех великих мучениях. Когда бываешь в бане, натопленной сильнее надлежащего, то представь себе огонь геенский, и если когда будешь гореть в сильной горячке, то перенесись мыслию к тому пламени: и тогда будешь в состоянии хорошо понять это различие. Если даже баня и горячка так мучат и беспокоят нас, то, что мы будем чувствовать тогда, когда попадем в ту огненную реку, которая будет течь пред страшным судилищем? Будем скрежетать зубами от страданий и нестерпимых мучений, но никто не поможет нам. Будем крепко стенать, когда пламень все сильнее станет охватывать нас, но не увидим никого, кроме мучимых вместе с нами и великой пустыни. А что сказать о тех ужасах, которые мрак будет наводить на наши души? Ибо тот огонь как не истребляет, так и не освещает;

иначе не было бы мрака. Вообще одно только то время с достаточностью может показать имеющие тогда постигнуть нас смущение и трепетание, изнурение и иступление великое. Многочисленны и разнообразны тамошние муки, и потоки казней отовсюду объемлют душу. Если кто скажет: как же душа может быть достаточною для такого множества мучений и оставаться в наказаниях бесконечные веки? — тот пусть представит, что бывает здесь, — как часто многие выдерживали продолжительную и тяжкую болезнь. Если они и скончались, то не потому, чтобы душа исчезла, но потому, что тело истощилось, так что, если бы оно не изнурилось, то душа не перестала бы мучиться. Когда же душа получит нетленное и неразрушимое тело, тогда ничто не воспрепятствует мучению продлиться в бесконечность. Здесь не может быть того и другого вместе, то есть, жестокости и продолжительности мучений, но одно другому противится по причине тленности тела и неспособности одновременно переносить то и другое; а когда, наконец, наступит нетление, это сопротивление прекратится и оба эти страшилища с великою силою будут обнимать нас в бесконечность. Посему не будем рассуждать ныне так, будто чрезмерность мучений истощит нашу душу: ибо в то время и тело не может истощиться, но будет вместе с душою мучиться вечно, и

никакого конца не будет. Итак, сколь же великое наслаждение и сколь продолжительное время хочешь ты противопоставить этому наказанию и мучению? Хочешь ли сто лет и дважды столько? Но что это в сравнении с бесконечными веками? Что сновидение одного дня в отношении к целой жизни, то же значит наслаждение здешними благами в отношении к продолжительности будущих благ. Посему найдется ли такой человек, который для того, чтобы увидеть приятный сон, решился бы терпеть наказание во всю жизнь? Кто настолько неразумен, чтобы решиться на такое вознаграждение? Впрочем, теперь я еще не встаю против наслаждения и не раскрываю заключающейся в нем горечи: потому что не теперь время говорить об этом, но когда ты будешь в состоянии бежать от него. Теперь же, когда страсть обладает тобою, мы показались бы тебе пустословом, если бы наслаждение назвали горьким; когда же ты, по благодати Божией, освободишься от недугов, тогда, верно узнаешь и злокачественность его. Посему, отложив речь об этом до другого времени, теперь скажем следующее. Пусть наслаждение будет наслаждением, и удовольствие — удовольствием, не имеющим в себе ничего неприятного и предосудительного: что мы скажем касательно уготованного наказания? Что тогда сделаем мы,

наслаждавшиеся здешними благами как бы в тени и изображении, а там на самом деле подвергшиеся вечному мучению, и притом когда возможно было в краткое время и избегнуть упомянутых мучений, и получить уготованные блага? Подлинно, и то дело человеколюбия Божия, что подвиги наши простираются не на продолжительное время, но, подвизавшись краткое и самое малое, подобное мгновению ока, время (такова именно настоящая жизнь по сравнению с будущей), будем увенчаны на бесконечные веки. Немало и то будет печалить тогда души наказуемых, когда они представят, что между тем, как в эти краткие дни можно было исправить все, они, по своей беспечности, предали себя на вечные муки. Чтобы и нам не потерпеть этого, восстанем, доколе время благоприятно, доколе день спасения, доколе велика сила покаяния. Ибо, если мы останемся в беспечности, то нас постигнут не только сказанные бедствия, но и другие, гораздо тягчайшие. Такие и даже горчайшие бедствия будут в геенне, а лишение благ причинит такую печаль, такую скорбь и муку, что если бы и никакое наказание не ожидало здешних грешников, оно само по себе хуже геенских мук будет терзать и возмущать наши души.

11. Представь состояние той жизни, насколько возможно представить его себе: ибо вполне изобразить ее по достоинству не в состоянии

никакое слово, но из того, что мы слышим, как бы из каких-нибудь загадок, мы можем получить некоторое неясное о ней представление. «Удалятся», говорит (Писание), «[болезнь], печаль и вздыхание» (Ис.35:10). Что же может быть блаженнее такой жизни? Не нужно там бояться ни бедности, ни болезни; не видно ни обижающего, ни обижаемого, ни раздражающего, ни раздражаемого, ни гневающегося, ни завидующего, ни распяемого нечистой похотью, ни заботящегося о приобретении необходимого для жизни, ни мучимого желанием власти и господства: ибо вся буря наших страстей, затихнув, прекратится, и все будет в мире, веселии и радости, все тихо и спокойно, все день, и ясность, и свет, — свет не этот нынешний, но другой, который настолько светлее этого, насколько этот блистательнее светильничного. Свет там не помрачается ни ночью, ни от сгущения облаков; не жжет и не палит тел, потому что нет там ни ночи, ни вечера, ни холода, ни жара, ни другой какой перемены времен, но иное какое-то состояние, которое познают одни достойные; нет там ни старости, ни бедствий старости, но все тленное отброшено, так как повсюду господствует слава нетленная. А что всего важнее, это — непрерывное наслаждение общением со Христом, вместе с ангелами, с архангелами, с горними силами.

Посмотри теперь на небо, и перейди мыслию к тому, что выше неба, представь преобразование всей твари: она уже не останется такою, но будет гораздо прекраснее и светлее, и насколько золото блестящее олова, настолько тогдашнее устройство будет лучше настоящего, как и блаженный Павел говорит: «что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению» (Рим.8:21). Ныне она, как причастная тлению, терпит многое, что свойственно терпеть таким телам; но тогда, совлекись всего этого, она представит нам нетленное благолепие. Так как она должна принять нетленные тела, то и сама преобразится в лучшее состояние. Нигде не будет тогда раздора и борьбы, потому что велико согласие в лице святых, при всегдашнем единомыслии всех друг с другом. Не нужно там бояться ни диавола и демонских козней, ни грозы геенской, ни смерти — ни этой нынешней, ни той, которая гораздо тяжелее этой; но всякий такой страх уничтожен. Подобно тому, как царский сын, первоначально воспитываемый в уничиженном виде, под страхом и угрозами, дабы от послабления он не испортился и не сделался недостойным отцовского наследия, по достижении царского достоинства вдруг переменяет все прежнее, и в порфире и диадеме, среди множества копьеносцев, председательствует с великим дерзновением, отринув от души всякое уничижение

и смирение и вместо того восприняв другое: так будет тогда и со всеми святыми. А чтобы эти слова не показались простым красноречием, взойдем мыслию на гору, где преобразился Христос; взглянем на Него блистающего, как Он воссиял, хотя и тогда Он показал нам не все еще сияние будущего века; из самых слов евангелиста видно, что явленное тогда было только снисхождением, а не точным представлением предмета. Ибо что говорит он? «Просияет как солнце» (Матф.17:2). Слава нетленных тел являет не такой свет, какой это тленное тело, и не такой, какой доступен и смертным очам, но такой, для созерцания которого нужны нетленные и бессмертные очи. А тогда на горе Он открыл лишь столько, сколько возможно было видеть без вреда очам видевших; и при всем этом они не вынесли, но пали на лице свое. Скажи мне, если бы кто, приведя тебя на какое-либо светлое место, где все сидели бы облеченные в золотые одежды, и посреди этого собрания показал бы еще одного человека, имеющего одежды и венец на голове из одних драгоценных камней, потом обещал бы и тебя ввести в это общество, то не употреблял ли бы ты всех усилий, чтобы получить обещанное? Открой же теперь умственные очи и посмотри на то зрелище, состоящее не из простых мужей, но из тех, которые драгоценнее и золота, и дорогих камней, и лучей солнечных, и всякого

видимого блеска, и не только из людей, но и из гораздо достойнейших, нежели они, — из ангелов, архангелов, престолов, господств, начал, властей? А о Царе и сказать нельзя, каков Он; так не доступна никакому слову и уму эта красота, доброта, светлость, слава, величие, великолепие. Таких ли благ лишит нас себя, скажи мне, для избежания маловременных тягостей? Если бы надлежало каждый день претерпевать множество смертей, даже — самую геенну, для того, чтобы увидеть Христа, грядущего во славе Своей, и быть причисленным к лику святых, то не надлежало ли бы претерпеть все это? Послушай, что говорит блаженный Петр: «хорошо нам здесь быть» (Матф.17:4). Если же он, увидев только неясный некоторый образ будущего, тотчас излил все из души вследствие наслаждения, происшедшего в душе его от этого зрелища, то что сказать, когда явится самая истина вещей, когда отверзнутся царские чертоги и можно будет созерцать самого Царя уже не в гадании и не в зеркале, но лицом к лицу, уже не верою, но видением?

12. Многие безрассудные желали бы только избавиться от геенны, но я считаю гораздо тягчайшим геенны наказанием — не быть в той славе; и тому, кто лишился ее, думаю, должно скорбеть не столько от геенских мучений, сколько о лишении небесных благ: ибо это одно есть

тягчайшее из всех наказаний. Ныне мы часто, видя царя с множеством копьеносцев входящим в царские чертоги, почитаем счастливыми приближенным к нему и участвующим с ним в разговоре, совете и прочей чести; даже обладая множеством благ, называем себя несчастными и нисколько не ценим этих благ, взирая на славу окружающих царя, хотя и знаем, что этот блеск обманчив и ненадежен по причине войн, по причине козней и по причине зависти, и помимо всего этого сам по себе не стоит никакого внимания. А в отношении к Царю всего, который обладает не частью земли, но всем кругом земли, или, лучше сказать, всю ее объемлет дланью и небеса измеряет пядью, носит все глаголом силы Своей, пред Которым все народы, как ничто, и как «плюновение» (Ис.40:15), — в отношении к этому Царю ужели мы не почтем крайним наказанием не быть включенными в тот лик, который около Него, и рады будем, если только избавимся от геенны? Что может быть жальче такой души? Этот Царь, не в запряжке белых мулов, не на золотой колеснице, не в порфире и диадеме, — не так грядет судить землю, но как? Послушай пророков, взывающих и говорящих об этом, как людям возможно сказать. Один говорит: «грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря. Он призывает свыше небо и землю, судить

народ Свой» (Пс.49:3,4). А Исаия присовокупляет и самое наказание нам в следующих словах: «Вот, приходит день Господа лютый, с гневом и пылающею яростью, чтобы сделать землю пустынею и истребить с нее грешников ее. Звезды небесные и светила не дадут от себя света; солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим. Я накажу мир за зло, и нечестивых — за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых, и уничижу надменность притеснителей; сделаю то, что люди будут дороже чистого золота, и мужи — дороже золота Офирского. Для сего потрясу небо, и земля сдвинется с места своего от ярости Господа Саваофа, в день пылающего гнева Его» (Ис.13:9-13). И еще, «окна», говорит, «с [небесной] высоты растворятся, и основания земли потрясутся. Земля сокрушается, земля распадается, земля сильно потрясена; шатается земля, как пьяный, и качается, как колыбель, и беззаконие ее тяготеет на ней; она упадет, и уже не встанет. И будет в тот день: посетит Господь воинство выпретенное на высоте и царей земных на земле. И будут собраны вместе, как узники, в ров, и будут заключены в темницу» (Ис.24:18–22). И Малахия согласно с этим говорит: «идет Господь Саваоф. И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он — как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет

переплавлять и очищать как золото и как серебро» (Мал.3:2,3). И еще: «вот», говорит, «придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день, говорит Господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей» (Мал.4:1). А муж желаний говорит: «Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его — как чистая волна; престол Его — как пламя огня, колеса Его — пылающий огонь. Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним; судьи сели, и раскрылись книги» (Дан.7:9,10). Потом немного ниже, «видел», говорит, «в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится. Вострепетал дух мой во мне, Данииле, в теле моем, и видения головы моей смутили меня» (Дан.7:13–15). Тогда разверзнутся все врата сводов небесных, а лучше сказать, и самое небо истребится. «Небеса свернутся», говорит (пророк), «как свиток книжный» (Ис.34:4), свертываясь как бы кожа и

покров какой-либо палатки, чтобы измениться в лучшее. Тогда все исполнится изумления, ужаса и трепета; тогда и самих ангелов обымет великий страх, и не только ангелов, но и архангелов, и престолы и господства, и начала, и власти: «и поколеблются», говорит (Господь), «силы небесные» (Матф.24:29), потому что от сослужителей их потребуются отчет в здешней жизни. Если тогда, когда один какой город бывает судим земными правителями, трепещут все, даже и находящиеся вне опасности: то, когда вся вселенная будет судима таким Судиею, который не нуждается ни в свидетелях, ни в обличителях, но и без них всех обнаружит и дела, и слова, и мысли, и все как на картине покажет и самим грешникам, и не знающим, — возможно ли, чтобы тогда не потряслась и не поколебалась всякая сила? Поистине, если бы и река огненная не текла и страшные ангелы не предстояли, а только бы из собранных людей одни получали похвалу и прославление, а другие были отгоняемы с бесчестием, чтобы не зреть славы Божией — ибо «нечестивый», говорит (пророк), «не будет взирать на величие Господа» (Ис.26:10), — и это было бы единственным наказанием, то лишение таких благ не мучительнее ли всякой геенны терзало бы души отверженные? Как велико это бедствие, ныне невозможно изобразить словом, а тогда мы ясно

узнаем на деле. Но присоедини теперь и то еще наказание, — как люди не только терзаются стыдом, без прикрытия и с поникшим долу лицом, но и влекутся по пути, ведущему в огонь, как они приближаются к самым местам мучений и предаются свирепым силам, и терпят это в то время, когда все, делавшие доброе и достойное вечной жизни, увенчиваются, прославляются и поставляются пред престолом Царя.

13. Так будет в тот день, а что последует затем, какое слово изобразит нам это, т. е. происходящую от общения со Христом усладу, пользу и радость? Ибо душа, возвратив себе собственное благородство и придя, наконец, в состояние возможности с дерзновением созерцать своего Господа, нельзя и сказать, какое получает наслаждение, какую пользу в том, что утешается не только обладаемыми благами, но и уверенностью, что эти блага никогда не окончатся. Всю эту радость невозможно ни словом изобразить, не умом постигнуть. Впрочем, попытаюсь представить, хотя неясно и так, как показывают великое посредством малого. Посмотрим на тех, которые в настоящей жизни пользуются мирскими благами, то есть богатством, властью и славою, — как они, надмеваясь благосостоянием, думают, что они уже не на земле, хотя пользуются такими благами, которые и не признаются за блага и не остаются с

ними, но улетают быстрее сновидения; если же иногда и остаются на малое время, то приносят удовольствие только в настоящей жизни, а далее не могут им сопутствовать. Если же даже эти блага приводят владеющих ими в такую радость, то что, думаешь ты, будет с душами, призванными к бесчисленным небесным благам, которые непреходящи и всегда пребывают благонадежными? И не этим одним, но и количеством и качеством они настолько превосходят настоящих благ, что и на сердце человеку никогда не всходило. Ныне живем мы в этом мире, как дитя в утробе, терпя стеснение и не будучи в состоянии видеть блеск и свободу грядущего века; когда же наступит время рождения, и настоящая жизнь всех воспринятых ею людей изведет на день суда, тогда недоношенные существа из мрака перейдут в мрак и из скорби в тягчайшую скорбь, а совершенные и сохранившие черты царского образа предстанут Царю и вступят в то служение, которым служат Богу всех ангелы и архангелы. Не истреби же, друг мой, до конца этих черт наших но, поскорее восстановив их, приведи в лучшее состояние. Телесную красоту Бог заключил в пределах природы, но красота души, как несравненно лучшая телесного благообразия, свободна от такой необходимости и подчиненности, и вполне зависит от нас и от воли Божией.

Человеколюбивый Владыка наш и тем особенно почтил род наш, что менее важное и мало полезное для нас, потеря чего безразлична, подчинил естественной необходимости, а распорядителями истинно доброго сделал нас самих. Если бы Он сделал нас властными и в телесной красоте, то мы и лишнюю заботу получили бы, и все время тратили бы на бесполезное, и весьма вознерадели бы о душе. Если и теперь, когда не дано нам такой власти, мы делаем все и употребляем все усилия к тому, и, не имея силы на самом деле, позволяем украшать себя цветами, красками, складкою волос, убранством одежд, расписыванием глаз и множеством других хитростей, придумываем себе, такую красоту: то стали ли бы мы прилагать какое-нибудь попечение о душе и о высоких предметах, когда бы имели возможность придавать телу действительно прекрасный вид? Может быть, если бы это было нашим делом, у нас и не было бы никакого другого дела, но все время мы проводили бы в том, чтобы рабу украшать бесчисленными прикрасами, а госпожу ее, хуже всякого невольника, оставлять в безобразии и пренебрежении. Посему Бог, освободив нас от этой пагубной заботы, вложил в нас способность к лучшему делу, так что не имеющий возможности сделать тело из безобразного красивым может душу свою, хотя бы она низошла до крайнего безобразия,

возвести на самый верх красоты, и таким образом сделать ее достолюбезною и привлекательною, вожделенною не только для добрых людей, но и для самого Царя и Бога всех, как и псалмопевец, рассуждая об этой красоте, сказал: «и возжелает Царь красоты твоей» (Пс.44:12). Не видишь ли, что и в зазорных домах к женщинам безобразным и бесстыдным едва ли приблизятся даже единоборцы, беглые и борцы со зверями; если же какая женщина благообразная, благородная и стыдливая, по какому-нибудь обстоятельству, впадет в такую крайность, то и иной и из весьма знатных и важных людей не постыдится вступить в брак с нею? Если же у людей бывает такая жалость и такое презрение к славе, что они часто и обесчещенных под этою кровлею женщин избавляют от неволи и берут себе в супруги, то не гораздо ли более возможно это у Бога по отношению к душам, которые по насилию дьявола ниспали из первобытного благородства в блудилище настоящей жизни? Множество таких примеров ты найдешь у пророков, когда они обращают речь к Иерусалиму, который также впадал в блудодеяние, и притом в некоторое новое блудодеяние, как говорит Иезекииль: «всем блудницам дают подарки, а ты сама давала подарки всем; и потому ты поступала в противность другим» (Иез.16:33,34); и еще другой: «сидела ты для них, как Аравитянин в пустыне, и осквернила

землю блудом твоим» (Иер.3:2). И такой город, столь блудодейный, Бог опять призывает к себе. Самый плен (иудеев) был не столько для наказания, сколько для обращения и исправления их; потому что, если бы Бог хотел решительно наказать их, то не возвратил бы в отечество, не воздвиг бы еще более великого и блистательного и города, и храма. «Слава сего», говорит (пророк), «последнего храма будет больше, нежели прежнего» (Агг.2:9). Если же Бог не лишил покаяния города, многократно блудодействовавшего, то гораздо более примет твою душу, подвергшуюся первому падению. Поистине, никакой плотолубец, хотя бы крайне распаленный, не пламенеет так к любимой им, как Бог желает спасения наших душ. В этом можно убедиться как из повседневных событий, так и из божественных Писаний. Смотри у Иеремии в самом начале, и во многих местах у пророков, как Бог бывал пренебрегаем и презираем, и как Он опять приближался и искал любви отвращавшихся от Него, — что и сам Он в Евангелии выразил словами: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели» (Матф.23:37). И апостол Павел в послании к Коринфянам сказал: «Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя [людям]

преступлений их, и дал нам слово примирения. Итак, мы — посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом» (2Кор.5:19,20). Прими это теперь за сказанное и к нам. Ибо не только неверие, но и нечистая жизнь может произвести эту прискорбную вражду. «Потому что плотские помышления», говорит (Писание), «суть вражда против Бога» (Рим.8:7). Разрушим же эту преграду, ниспровергнем и умертвим, дабы достигнуть блаженного примирения, дабы опять сделаться вожделенными и любезными Богу.

14. Знаю, что ты теперь восхищаешься красотой Ермионы и думаешь, что на земле нет ничего подобного ее благообразию; но если ты, друг мой, захочешь, то будешь настолько благолепнее и прекраснее ее, насколько золотые статуи лучше глиняных. Если красота телесная так поражает и увлекает души многих, то когда она заблещает в душе, что может сравниться с такою красотой и благообразием? Телесной красоте основанием служит не что иное, как слизь, кровь, влага, желчь, и сок принятой пищи. Этим наполняются и глаза, и щеки, и все прочее; и если они не будут каждый день получать такого напоения, истекающего из чрева и печени, то вместе с тем, как только кожа высохнет более

надлежащего и глаза впадут, и вся красота лица тотчас пропадет; — так что, если ты представишь себе, что именно скрывается внутри прекрасных глаз, что внутри прямого носа, что внутри уст и щек, то благообразие тела назовешь не иным чем, как гробом повапленным: такой нечистоты полна внутренность! Далее, если ты увидишь тряпку, запачканную чем-либо из таких веществ, например слизью или слюною, то не захочешь и концами пальцев дотронуться до нее, даже не станешь и смотреть на нее; а вместилищем и хранилищем их восхищаешься? А твоя красота была не такова, но (настолько выше ее), насколько небо лучше земли, или, вернее сказать, гораздо еще блистательнее и превосходнее. Конечно, никто никогда не видал души самой себе, без тела; но я попытаюсь представить тебе красоту ея иначе, по сравнению с высшими силами. Послушай, как их красота поразила мужа желаний: намереваясь изобразить их красоту и не могши найти такое тело, он прибег к металлическим веществам, но не удовольствовавшись и ими одними, взял в пример еще блеск молнии. Если же те (силы), проявившие существо свое не во всей чистоте и обнаженности, но весьма неясным и прикровенным образом, были, однако, столь блистательны, то какими должны оне являться без всякого покрова? Нечто подобное надлежит представлять и о красоте души: будут,

говорит (Господь) «равны Ангелам» (Лук. 20:36). Даже между телами, те, которые легче и тоньше приближаются к безтелесным предметам, гораздо лучше и превосходнее других. Небо прекраснее земли, огонь — воды, звезды — камней; а радугою мы восхищаемся гораздо более, нежели фиалками, розами и всеми другими цветами земными. Вообще, если бы возможно было увидеть красоту души телесными очами, ты посмеялся бы над всеми этими примерами тел, — так слабо они представляют нам благолепие души! Не будем же нерадеть о таком стяжании и таком блаженстве, тем более, что возвращение к этой красоте для нас удобно при надежде на будущее. «Ибо», говорит апостол, «кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2Кор.4:17,18). Если же скорби, которые ты знаешь, блаженный Павел назвал нетяжкими и легкими, так как не смотрел на видимое, то тем легче тебе оставить нечистую похоть. Мы теперь зовем тебя не на опасности, не на ежедневные смерти, непрестанные удары, бичевания, узы, борьбы со вселенною, вражду от домашних, безпрестанные бдения, продолжительные путешествия, кораблекрушения, нападения разбойников, козни от сродников, скорби о друзьях, голод, холод, наготу,

зной, печаль о своих и не своих. Ничего такого мы не требуем теперь; об одном только просим, — освободиться от окаянного рабства и возвратиться к прежней свободе, представив себе и наказание за похоть и почесть за прежнюю жизнь. Если не верующие в учение о воскресении предаются беспечности и никогда не чувствуют этого страха, это нисколько не удивительно; а нам, надеющимся более на будущие, нежели на здешние блага, проводить столь жалкую и несчастную жизнь, ничего не ощущать при воспоминании о первых, но ниспасть до крайней бесчувственности, — это было бы весьма безрассудно. Когда мы — верующие будем поступать, как неверные, или станем вести себя хуже их (и между ними есть просиявшие житейскою добродетелию), какое, наконец, будет нам утешение, какое оправдание? Из купцов многие, потерпев кораблекрушение, не упали духом, но опять пошли тем же путем, хотя притом потерпели это несчастье не от собственной беспечности, но от силы ветров; а мы, которые можем надеяться на счастливый конец и верно знаем, что без нашей воли не постигнет нас ни кораблекрушение, ни малое какое-либо несчастье, мы ли не примемся опять за то же и не будем приобретать, по прежнему, но станем лежать без дела, сложив при себе руки? И о, если бы только при себе, а не против себя, — что означает явное

безумие! Ведь если бы кто из борцов, оставив своего противника, обратил руки на свою голову и стал поражать собственное лицо, скажи мне, не причислили бы его к сумасшедшим? Дьявол поборол нас и поверг; следовательно надобно встать, а не влачиться далее и низвергать себя в пропасть, не прибавлять к его ударам еще своих собственных. И блаженный Давид пал таким же падением, каким и ты теперь; и не этим только, но потом и другим, то есть, убийством. Что же, остался ли он лежащим? Напротив, не тотчас ли с мужеством встал, и не ополчился ли на врага? Итак доблестно поразил его, что и по смерти своей сделался покровом для своих потомков. Ибо Соломону, который совершил великое беззаконие и сделался достойным тысячи смертей, Бог сказал, что ради Давида оставляется ему царство в целости, следующими словами: «отторгну от тебя царство и отдам его рабу твоему; но во дни твои Я не сделаю сего», почему? «ради Давида, отца твоего; из руки сына твоего исторгну его» (3Цар.11:11,12). И Езекии, бывшему в крайней опасности, хотя и праведному, Он обещал помощь ради того же блаженного: «буду охранять», говорит, «город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего» (4Цар.19:34). Такова сила покаяния! А если бы Давид стал рассуждать так же, как и ты теперь, — именно, что уже невозможно

умилостивить Бога, и если бы сказал сам в себе: «Бог почтил меня великою честью, причислил к пророкам, и вручил начальство над единоплеменниками, и избавил от множества опасностей: как же я, после столь многих благодеяний, огорчив Его и дерзнув на крайние беззакония, могу опять умилостивить Его?» Если бы он стал рассуждать так, то не только не сделал бы того, что совершил впоследствии, но уничтожил бы и прежние свои дела.

15. Не только телесные, но и душевные раны, будучи оставлены без внимания, причиняют смерть. Между тем мы дошли до такого безумия, что о первых очень заботимся, а этими пренебрегаем. И хотя многие телесные раны часто бывают неисцельны, однако, мы не отчаиваемся, и слыша часто от врачей, что такую-то болезнь невозможно истребить лекарствами, мы настойчиво просим придумать хотя малое какое-либо облегчение; а о душах, в которых нет никакой неисцельной болезни — так как они не подлежат естественной необходимости, — о них так нерадим и отчаиваемся, как будто болезни их — чужие для нас. Где самое свойство болезни должно бы повергать нас в безнадежность, там мы, как имеющие большие надежды, заботимся о здоровье; а где нет ничего, почему бы следовало отчаиваться, там, как отчаявшиеся, отступаем и предаемся

беспечности. Настолько-то более мы заботимся о теле, нежели о душе! Поэтому и тела сохранить не можем. Ведь кто нерадит о главном, а всю заботу обращает на низшее, тот разрушает и губит то и другое; а кто соблюдает порядок, охраняя и сберегая главнейшее, тот, хотя бы не заботился о второстепенном, спасает и это чрез хранение первого, что и Христос объяснил нам словами: «не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Матф.10:28). Итак, убедили ли мы тебя, что никогда не должно отчаиваться в душевных болезнях, как бы неисцельных, или нужно предложить еще и другие доказательства? Если бы ты и тысячу раз отчаивался в самом себе, мы не отчаемся в тебе никогда, и не допустим сами того, за что осуждаем других, хотя не одно и то же — отчаиваться кому-либо в самом себе, или другому в нем; потому что отчаивающийся в другом может скоро получить прощение, а отчаивающийся в самом себе — никогда. Почему? Потому, что тот не властен в настроении и раскаянии другого, а этот один властен над самим собою. И, однако, при всем том мы не будем отчаиваться в тебе, хотя бы ты сам тысячу раз подвергся этому; потому что, может быть, и произойдет возврат к добродетели и возобновлению прежней жизни. Выслушай же и

следующее. Ниневитяне, услышав сильную и ясную угрозу пророка: «еще сорок дней и Ниневия будет разрушена» (Ион.3:4), и после этого не упали духом, и хотя не были уверены, что умолят Бога, а скорее могли опасаться противного по поводу пророчества (ибо оно произнесено было не с каким-нибудь ограничением, но как прямое определение), при всем этом оказали раскаяние и говорили: «кто знает, может быть, еще Бог умиласердится и отвратит от нас пылающий гнев Свой, и мы не погибнем». И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел» (Ион.3:9,10). Если же люди варварские и непросвещенные могли быть столь благоразумными, то гораздо более должно поступать так нам, которые научены божественным догматам и видели великое множество таких примеров и в словах, и в делах. «Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис.55:8,9). Если часто и мы провинившихся слуг, когда они обещают исправиться, принимаем и опять удостоиваем прежней чести, а нередко оказываем им еще большее доверие, то гораздо более Бог. Ведь если бы Он создал нас для того, чтобы наказывать, то

справедливо бы ты сомневался и отчаивался в своем спасении; но если Он сотворил нас по единой только благодати, для того, чтобы мы наслаждались вечными благами, и к этому устрояет и направляет все от первого дня до настоящего времени; то, что побуждает нас предаваться сомнению? То ли, что мы сильно прогневали Его, как никто другой из людей? Но потому-то особенно и должно отстать от настоящих дел и раскаяться в прежних и показать большую перемену. Ибо не столько могут раздражать Его соделанные нами однажды грехи, сколько нежелание перемениться. Грешить еще свойственно человеку; но коснеть во грехах — это уже не человеческое, а вполне сатанинское дело. Смотри, как и чрез пророка Бог порицает последнее больше первого: «видел ли ты», говорит, «что делала отступница, дочь Израиля? Она ходила на всякую высокую гору и под всякое ветвистое дерево и там блудодействовала. И после того, как она все это делала, Я говорил: «возвратись ко Мне»; но она не возвратилась» (Иер.3:6,7). И в другом месте, опять желая показать, сколь великое Он имеет попечение о нашем спасении, лишь только услышал, что (израильтяне) после многих беззаконий обещали идти правым путем, сказал: «о, если бы сердце их было у них таково, чтобы бояться Меня и соблюдать все заповеди Мои во все дни, дабы хорошо было им и сынам их вовек»

(Втор.5:29). И Моисей, обращаясь к ним, сказал: «Итак, Израиль, чего требует от тебя Господь, Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего, ходил всеми путями Его, и любил Его» (Втор.10:12) Итак Тот, Кто ищет быть любимым нами и для этого делает все, Кто не пощадил даже Единородного для нашей любви и почитает вожделенным, чтобы мы когда бы то ни было примирились с Ним, как не примет и не полюбит кающихся? Послушай, что говорит Он чрез пророка: «говори ты беззакония твои прежде, чтоб оправдаться» (Ис.43:26). Этого он требует от нас для того, чтобы любовь наша к Нему была сильною. Когда любящий, получив множество оскорблений от любимых, не погасит в себе любви, тогда он, если и старается обнаружить эти оскорбления, то не для чего иного, как для того, чтобы, показав всю силу своей любви, склонить их к большей и сильнейшей любви. Если же исповедание грехов доставляет такое утешение, то гораздо более очищение их делами. Если бы было не так, но однажды совратившимся с прямого пути Бог препятствовал бы возвратиться к прежнему; то никто, может быть, кроме немногих и весьма малочисленных, не вошел бы в царство небесное; а теперь встретим особенно прославленных и в среде тех, которые подвергались этим падениям. Ибо показавшие большую силу во зле покажут такую же

и в добре, сознавая, какими долгами они обременили себя, что и Христос изъяснил, когда сказал Симону о жене: «видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи» (Лук.7:44–48).

16. Посему и диавол, зная, что сделавшие много зла, когда начнут каяться, делают это с великою ревностью, как сознающие свои согрешения, опасается и боится, чтобы они не начали этого дела, потому что, начав его, они бывают уже неудержимы, и воспламенившись покаянием, как бы огнем, соделывают свои души чище чистого золота, увлекаемые совестью и воспоминанием о прежних грехах, как бы сильным ветром, в пристань добродетели. И в этом-то их преимущество перед теми, которые никогда не падали, т. е. они проявляют сильнейшую ревность, если только, как я сказал, положат начало. Правда, трудно и тяжело сделать усилие, чтобы подойти ко входу и, достигнув преддверия покаяния,

оттолкнуть и низринуть врага, который тут сильно дышит и налегает. А после того и он, будучи однажды побежден и павши там, где был силен, не оказывает такого неистовства, и мы уже, имея больше ревности, весьма удобно совершим этот добрый подвиг. Начнем же, наконец, возвращение, поспешим во град небесный, в котором мы вписаны, в котором и обитать надлежит нам. Отчаяние губительно не только потому, что затворяет нам врата этого града и приводит к великой беспечности и небрежению, но и потому, что ввергает в сатанинское безумие; ибо и диавол сделался таким не от чего-либо другого, как от того, что сперва отчаялся, а потом от отчаяния впал в безумие. Так и душа, однажды отчаявшись в своем спасении, уже не чувствует потом, как она стремится в пропасть, решаясь и говорить и делать все против своего спасения. Как сумасшедшие, раз лишившись здравого состояния, ничего не боятся и ничего не стыдятся, но безбоязненно отваживаются на все, хотя бы пришлось им попасть в огонь, или в море, или в пропасть; так и объятые безумием отчаяния неудержимо устремляются на всякое зло и, если смерть не постигнет их и не удержит от этого безумия и стремления, причиняют себе множество бед. Посему умоляю, пока ты не слишком погрузился в это опьянение, отрезвись и пробудись, — отстань от сатанинского упоения,

если невозможно вдруг, то постепенно и понемногу. Мне кажется, что легче было бы, сразу оторвавшись от всех задерживающих путь, перейти в училище покаяния. Если же это представляется тебе трудным, то как хочешь, так и вступи на путь, ведущий к лучшему, только вступи и получишь жизнь вечную. Так, прошу и умоляю во имя прежней доблести, прежней свободы, чтобы нам опять увидеть тебя на той же высоте и с тою же бодростью. Пожалей о тех, которые соблазняются о твоей голове, падают, делаются беспечнее, отчаиваются в пути добродетели. Теперь скорбью объят сонм братьев, а веселием и радостью — общества неверных и беспечных юношей. А когда ты возвратишься к прежней строгой жизни, то будет наоборот: наш стыд весь перейдет на них, а мы будем чувствовать великую отраду, опять видя тебя увенчиваемым и прославляемым с великим блеском. Такие победы доставляют больше чести и радости, потому что ты получишь награду не только за собственные доблести, но и за утешение и одобрение других, представляя им собою, — если кто из них впадет когда-либо в такое же бедствие, — величайший пример того, как опять восстать и исправиться. Не пренебрегай же такую пользою и не своди в ад с печалию души наши, но дай нам вздохнуть и рассеять окружающее нас облако печали о тебе. Мы теперь, оставив свои

горести, оплакиваем твои несчастья; если же ты захочешь отрезвиться и открыть глаза, и присоединиться к ангельскому воинству, то и от этой печали избавишь нас и изгладишь большую часть грехов наших. А что обратившимся чрез покаяние можно просиять много и светло, а часто даже и более тех, которые не падали с самого начала, это мы показали и из божественных Писаний. Так и мытари и блудницы наследуют царство небесное; так многие из последних становятся впереди первых.

17. Расскажу тебе о том, что случилось при нас и чему сам ты можешь быть свидетелем. Ты знаешь молодого сына Урбанова, Финикса, который остался сиротою в юности и был владельцем множества денег, рабов и полей. Прежде всего оставив занятия (науками) в музеях и сбросив с себя светлую одежду и всю гордость житейскую, а затем тотчас надев худую одежду и удалившись в пустыню на горы, он обнаружил большое любомудрие, не только по возрасту, но и в сравнении с великими и дивными мужами. После того, удостоившись священного участия в таинствах, он еще более преуспевал в добродетели. И все радовались и славили Бога, что человек воспитанный в богатстве, имевший знаменитых предков, и еще весьма молодой, вдруг поправ всю пышность житейскую, достиг истинной высоты.